

Т. Р. РУДИ

Еще раз о датировке «Повести о чудесах Виленского креста»*

«Повесть о чудесах Виленского креста» — памятник местной литературной традиции, созданием которого завершилось формирование так называемого Муромского цикла произведений. Повесть довольно хорошо известна в медиэвистике: ее списки в составе Муромских сборников указала Р. П. Дмитриева;¹ в 1979 г. текст Повести был издан с разночтениями и вступительной статьей Т. А. Брун,² позднее ею были напечатаны еще две работы, посвященные этому памятнику.³ Однако, несмотря на достаточную изученность, история текста «Повести о чудесах Виленского креста» не может, на наш взгляд, считаться вполне установленной, в частности, требует дополнительного рассмотрения вопрос о времени его создания. В настоящей статье мы ставили своей задачей еще раз попытаться на него ответить. Обратимся к Повести.

«Повесть о чудесах Виленского креста» представляет собой местное сказание, повествующее о святыне Муромского Троицкого девичья монастыря — чудотворном напрестольном кресте, принесенном в Муром из литовского города Вильны. Герои Повести — реальные исторические лица: муромец, купец гостиной сотни, строитель и ктитор Муромского Троицкого монастыря Тарасий Борисов сын Цветнов, по прозвищу Богдан Цветной, и арзамасец, сын боярский Василий Сергеев сын Микулин.⁴ Описываемое в Повести событие — передача чудотворного креста Василием Микулиным Богдану Цветнову — точно датировано в тексте памятника: действие происходит в июле 1658 г., «въ субботный день». Однако,

* Статья написана при финансовой поддержке фонда RSS (проект № 580/1996).

¹ См.: Повесть о Петре и Февронии / Подгот. текстов и исследование Р. П. Дмитриевой. Л., 1979. С. 191—198. Памятник имеет здесь другое название: «Повесть о кресте, принесенном из Литовской земли в Муром».

² Брун Т. А. Муромская «Повесть о чудесах Виленского креста» // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 34. С. 323—331. Ранее Повесть издавалась по одному списку муромским краеведом Н. П. Травчетовым: Владимирские губернские ведомости. 1899. 20 авг. № 34. Часть неофиц. С. 4—5; Травчетов Н. П. Материалы для истории Муромского Троицкого женского монастыря // Труды Владимирской ученой архивной комиссии. Владимир, 1903. Кн. 5. С. 51—53.

³ Брун Т. А. 1) О датировке «Повести о чудесах Виленского креста» // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 2. XVI—начало XVIII веков. М., 1989. С. 206—216; 2) Возможный источник «Повести о чудесах Виленского креста» // В памяти Отечества: Материалы научных чтений. Горький, 31 мая—5 июня 1987 г. Горький, 1989. С. 87—93.

⁴ См. об этом: Брун Т. А. Муромская «Повесть о чудесах Виленского креста». С. 323—326.

несмотря на такую конкретность дат и описаний, вопрос о времени создания муромского сказания достаточно сложен.

Т. А. Брун первоначально датировала Повесть последней третью XVII в., мотивируя свою точку зрения конкретностью и исторической достоверностью произведения, а также наличием в нем следов рассказов участников событий, записанных от первого лица.⁵ Позднее исследовательница перенесла датировку памятника в первую половину XVIII в. на основании анализа перечня частей от мощей, сохранившихся в Виленском кресте. Дело в том, что среди реликвий чудотворного креста, перечисленных в Повести, названы мощи Евфросинии Суздальской, обретение которых состоялось лишь 18 сентября 1699 г. Допуская возможность того, что частица от мощей св. Евфросинии могла быть помещена в крест позднее других, Т. А. Брун все же пришла к выводу о необходимости передатировки Повести — на основании текстологических наблюдений: «Все известные нам списки „Повести“ включают полный перечень мощей, в том числе и Макария Желтоводского и Евфросинии Суздальской. Значит, „Повесть“ была написана в то время, когда эти мощи уже были в кресте, т. е. после 1699 г.»⁶

Эти соображения, в сочетании с наличием только поздних известных списков памятника (самый ранний датируется 2-й четв. XVIII в.), заставили Т. А. Брун перенести датировку «Повести о чудесах Виленского креста» из XVII в. в век XVIII, т. е. предположить, что сказание о муромской святыне было написано не ранее чем через полстолетия после описываемых в нем событий. Наблюдения Т. А. Брун очень интересны и чрезвычайно важны для истории текста памятника, однако, на наш взгляд, они не являются достаточно веским основанием для того, чтобы «отодвигать» время создания Повести в XVIII в. Попытаемся аргументировать это положение.

Т. А. Брун полагала, что чудотворный крест, о котором рассказывает Повесть и который мог бы быть важным фактором определения времени ее написания, не сохранился и известен только по описанию его в Повести и в некоторых краеведческих источниках.⁷ Оказалось, что это не так. Из опубликованных в 1994 г. тезисов доклада О. А. Суховой «Древности Муромского Троицкого монастыря»⁸ стало известно, что Виленский крест утрачен не был: вместе с другой церковной утварью он был изъят из Троицкого собора в феврале 1930 г. и передан в Муромский историко-художественный музей, где и хранился до недавнего времени.⁹

В отличие от Повести о нем, сам Виленский крест мало исследован и, к сожалению, не имеет точной датировки.¹⁰ Приведем описание совре-

⁵ Там же. С. 326.

⁶ Брун Т. А. О датировке «Повести о чудесах Виленского креста». С. 210—211.

⁷ Там же. С. 207.

⁸ Сухова О. А. Древности Муромского Троицкого монастыря // Уваровские чтения. II. Муром, 21—23 апреля 1993 г. М., 1994. С. 138—142.

⁹ В мае 1996 г. Виленский крест был торжественно возвращен на прежнее место, в собор Муромского Троицкого монастыря.

¹⁰ Поздняя датировка (кон. XVIII—нач. XIX в.), проставленная в карточке научного описания Муромского историко-художественного музея (инв. № М-5213/1-2), по-видимому, может относиться только к серебряному складню-кузову, в который вложен Виленский крест, но не к кресту. Складень, несомненно, моложе креста и, видимо, был заказан специально для него, когда Виленский крест стал святыней Троицкого собора. Серебро на складне другой пробы, нежели на кресте (соответственно 875° и 500°), на чеканном окладе складня выбито клеймо мастера «П. С.».

менного состояния памятника,¹¹ особенно важное для нас в сопоставлении с описанием его в Повести.

Виленский крест представляет собой серебряный золоченый восьми-конечный крест-мошевик с закругленными концами; размеры — 14.3 × 8.9 × 2.4 см; крест вложен в складень-кузов с изображением двенадцатых праздников, в чеканном окладе.¹² На обратной стороне креста выгравированы надписи о содержащихся в нем мощах. Как известно, в тексте Повести названы 7 заключенных в Виленском кресте реликвий, перечень которых, по наблюдениям Т. А. Брун, одинаков во всех списках памятника: часть древа жезла пророка Моисея, риза Сергия Радонежского, риза Ефрема Новоторжского, трости Антония Римлянина, гробы Гурия и Варсонофия Казанских, персть Евфросинии Суздальской и гроб Макария Желтоводского.¹³ Обращение к кресту показало, что в настоящий момент Виленский крест содержит гораздо большее число реликвий, а именно — 35 (!). Перечислим их в порядке расположения на кресте (сверху вниз и слева направо), сохраняя орфографию выгравированных на оборотной стороне надписей:

«Мощи св(я)тыхъ

Пророка Даниила
 Андрея Первоз(ванного)
 Ев(а)нг(е)л(и)ста Матфея
 Игнатия Богоносца
 Ап(о)ст(о)ла Варфоломея
 Архидиякона Стефана
 Антипы Чюдотворца
 Лазаря Четв(е)родн(е)внаго
 Григория Богослова
 Мл(а)д(е)нца от Ирода избиены(х)
 Василия Великаго
 Ц(а)ря Константина
 Феодора Стра(тилата)
 Великом(у)ч(е)н(и)ка Прокопия
 Иоанна Златоустаго
 Иоанна Милостиваго
 Великом(у)ч(е)н(и)ка Меркурия
 Первом(у)ч(е)н(и)цы Феклы
 К(нязя) Александра Невскаго
 Пантелеймона Целите(ля)
 Евстафия Плакиды
 Ефрема Сирина
 Михаила Маленина
 Б(о)гоматере Анны
 М(у)ч(е)н(и)цы Варъвары
 Великом(у)ч(е)ницы Марины
 Анастасии Римлянины
 Феодосии девицы

¹¹ Все материалы, связанные с местонахождением и описанием Виленского креста (включая перечень заключенных в нем частиц от мощей), любезно предоставлены мне главным хранителем Муромского историко-художественного музея (далее — МИХМ) О. А. Суховой, за что выражаю ей глубокую признательность.

¹² См.: Сухова О. А. Древности Муромского Троицкого монастыря. С. 141; МИХМ, бывший инв. № М-5213/1-2, карточка научного описания.

¹³ См. об этом: Брун Т. А. Муромская «Повесть о чудесах Виленского креста». С. 330.

Древа жезла Моисеова
 Гробы Гурия и Варсонофия Казаньских
 Риза Сергия Радонежского
 Риза Ефрема Новоторжского
 Трость Антония Римлянина
 Персть Ефросинии Суздальские
 Гроба Макария Желтовошского».

Таким образом, подтверждается предположение Т. А. Брун о не одновременности «комплектования» набора реликвий Виленского креста, но, как выяснилось, «Повесть о Виленском кресте» отразила не окончательный вид муромской святыни, как считала исследовательница, а лишь определенный этап ее формирования. Однако ответить на вопрос о том, как проходило это формирование, по-видимому, непросто. Естественное предположение о том, что 28 «дополнительных» частиц от мощей, не упомянутых в Повести, появились в кресте позднее 7 названных, не может быть принято безоговорочно: как можно видеть, названные в Повести мощи завершают перечень, — они расположены в самом низу креста и, следовательно, должны были попасть в него самыми последними, если исходить из последовательности заполнения креста-реликвария сверху вниз. В противном случае пришлось бы допустить какие-то кардинальные изменения, произошедшие с Виленским крестом в период после создания Повести о нем. Оставив решение этой задачи специалистам-искусствоведам, мы можем лишь констатировать, что на протяжении истории своего существования Виленский крест претерпел значительные изменения (возможно, глобальные), причем заполнение его частицами мощей проходило в несколько этапов, а описание креста, зафиксированное в Повести, отражает неокончательный его вариант.

Итак, теперь достоверно известно, что наполнение Виленского креста частицами от мощей происходило постепенно. Мы считаем возможным предположить, что первоначально Виленский крест вообще не был мощевиком, т. е. не содержал священных реликвий. Попытаемся аргументировать высказанную гипотезу.

Напомним, как описывается животворящий крест в начале Повести, в момент передачи его Василием Микулиным Богдану Цветнову: дождавшись Богдана у его дома, Василий, «постигши его, остановил и вынул из шапки оболочен в бумаге крест поклонной, скован в серебре, позлащен, с камением и жемчугом украшен».¹⁴ Как видим, в этом первом в Повести описании креста частицы мощей вообще не упоминаются. Думается, если бы они в то время в кресте находились, автор не мог бы не сказать о них, ограничившись лишь упоминанием украшений (драгоценных камней и жемчуга), — ведь он описывал христианскую святыню.

Примечателен в этом отношении и требует объяснения и тот факт, что сейчас на Виленском кресте ни камней, ни жемчуга нет; не было их и в конце XIX в.: впервые публикуя текст Повести в 1899 г., Н. П. Травчетов указал в подстрочном комментарии: «В настоящее время таковых украшений на кресте не имеется».¹⁵ Обратившись к первому известному в литературе описанию Виленского креста — в описи Муромского Троицкого монастыря 1766 г., составленной на основании описи 1731 г., мы также не нашли в нем упоминания драгоценных кам-

¹⁴ Там же. С. 328.

¹⁵ Владимирские губернские ведомости. 1899. 20 авг. № 34. Часть неофиц. С. 5.

ней, а жемчуг назван лишь в описании цепочки креста, теперь утраченной: «Крестъ серебрянной с мощми, вызолочень, чепочка серебрянная, на ней восемь зерень жемчужныхъ».¹⁶ Когда и каким образом с Виленского креста исчезли его первоначальные украшения, нам неизвестно, однако возможность таких изменений вполне реальна. Приведем только одно подтверждение тому: из опубликованной Н. П. Травчатовым же Летописи Муромского Троицкого женского монастыря известно, к примеру, что «в 1782 г. игуменья Евграфы, с разрешения епископа Владимирского и Суздальского Виктора, сняла с разных икон жемчужныя и камешковыя украшения, из коих устроила драгоценное украшение на икону Смоленской Божией Матери, что в холодном Троицком храме».¹⁷

Итак, мы можем констатировать, что уже в первой трети XVIII в. Виленский крест претерпел некоторые изменения: к 1731 г., времени составления монастырской описи, на нем уже отсутствовали драгоценные украшения, описанные в начальном фрагменте Повести, но присутствовали частицы мощей, в этом описании не упомянутые. Как известно, перечень 7 заключенных в Виленском кресте реликвий расположен во второй части Повести, в рассказе о поставлении креста Богданом Цветновым в Троицкий монастырь. Самым важным моментом для датировки «Повести о чудесах Виленского креста» является ответ на вопрос, читался ли этот перечень в первоначальном, архетипном тексте памятника, или он появился позднее, на определенном этапе его рукописной традиции. Попробуем на него ответить.

Перечень реликвий Виленского креста помещен «на стыке» двух сюжетных линий Повести, между рассказом о передаче креста Василием Микулиным Богдану Цветнову и рассказом о пленении Василия. Т. А. Брун обратила внимание на этот факт, расценив его как свидетельство того, что автор «Повести о чудесах Виленского креста» обладал определенным навыком литературной работы. «Он умело связал рассказы Богдана и Василия перечислением реликвий, содержащихся в кресте, и упоминанием, что крест „и донныне... обретается“ в соборе Троицкого монастыря», — отметила исследовательница.¹⁸ Принимая это наблюдение Т. А. Брун как вполне вероятное, отметим, однако, что расположение описания мощей «на шве» между двумя основными сюжетными линиями может быть аргументом и в пользу другого предположения, а именно — гипотезы о том, что перечень реликвий является более поздним, вставным фрагментом Повести. Тем более что для такого предположения есть и другие, текстологические, основания.

Дело в том, что в обоих изданиях «Повести о чудесах Виленского креста», осуществленных Н. П. Травчатовым (1899 г. и 1903 г.), перечень мощей в тексте отсутствует. К сожалению, Н. П. Травчев не указал список, с которым он работал. Текст Повести воспроизводится им неточно, в форме пересказа, однако никаких других сокращений в нем нет, — напротив, в комментариях издатель поместил дополнительные сведения о кресте и о его вкладчике, Богдане Цветнове. На наш взгляд, у нас нет оснований предполагать, что Н. П. Травчев при публикации текста Повести исключил из него перечень заключенных в кресте мощей, — в противном случае для такого предположения потребовались бы веские причины, а нам таковые неизвестны. Таким образом, мы допускаем, что список «Повести о чудесах Виленского креста», которым располагал

¹⁶ Травчев Н. П. Материалы для истории... С. 19.

¹⁷ Там же. Приложение 3. С. 47.

¹⁸ См. об этом: Брун Т. А. Муромская «Повесть о чудесах Виленского креста». С. 324.

Н. П. Травчетов, перечня мощей не содержал. Это допущение тем более оправданно, что, как покажем далее, такой список был не один.

Основные положения Т. А. Брун, на основании которых исследовательница перенесла датировку «Повести о чудесах Виленского креста» в XVIII в., заключаются в следующем: Виленский крест получил свой окончательный вид не ранее самого конца XVII в. (1699 г.), этот вид отражен в Повести; все известные списки Повести включают полный перечень мощей, следовательно, она была написана после 1699 г.¹⁹ Важнейшим звеном в этой цепи, на котором строится аргументация Т. А. Брун, является, безусловно, положение о том, что все известные списки Повести содержат полный перечень мощей. Однако обращение к рукописям показало, что дело обстоит несколько сложнее.

Т. А. Брун было известно 16 списков «Повести о чудесах Виленского креста»,²⁰ 14 из которых она издала с разночтениями; 15-й (Научная библиотека Саратовского университета, собр. Шляпкина, № 367) был исследовательнице недоступен, а 16-й (ГИМ, Музейское собр., № 517) она решила не привлекать к изданию из-за множества индивидуальных чтений, которые, по ее мнению, сильно перегрузили бы издание.²¹ Обращение к последней из названных рукописей²² показало, что в ней несколько расширен рассказ о поставлении креста в Троицкий монастырь, однако совершенно отсутствует какое бы то ни было упоминание о содержащихся в нем мощах. Приведем этот фрагмент: «Тарасий же по прозванию Богдан той честный и животворящий крестъ Господень съ подобающею всякою честию и съ молебным пѣниемъ и со звономъ проводиша въ дѣвичъ монастырь и поставиша въ церкви Живоначальныя Троицы честный крестъ на деснѣй странѣ, на налон, — и донинѣ всѣми вѣрными покланяемъ видится, // и подаеть неоскудно просящимъ исцѣление от него Богъ».²³

Еще больший интерес представляет для нас другая рукопись — сборник-конволют конца XVIII в. РНБ, собр. Колобова, № 312 (далее — Колоб., 312). В ней содержится переписанный в отдельной полутетради (л. 64—67 об.) на особой бумаге (остальная бумага в сборнике других сортов) список «Повести о чудесах Виленского креста», в котором также отсутствует перечень мощей.²⁴ Вернее, он отсутствует в тексте памятника, но помещен после него (!), с отступом в полстраницы, на л. 67—67 об.²⁵ Примечательно, что ни в тексте Повести, на обычном месте перечисления

¹⁹ См.: Брун Т. А. О датировке «Повести о чудесах Виленского креста». С. 210—211.

²⁰ Укажем еще один список Повести: ГИМ, собр. А. С. Уварова, № 1101 (2020), посл. трети XVIII в.

²¹ См. об этом: Брун Т. А. Муромская «Повесть о чудесах Виленского креста». С. 327.

²² Принишу глубокую благодарность сотруднику Отдела рукописей ГИМ Ю. А. Грибову за помощь в предоставлении фотокопии рукописи.

²³ ГИМ, Музейское собр., № 517, л. 122 об.—123 (далее — Музейск., 517).

²⁴ Небезынтересно, что списки Повести в сборниках Музейск., 517 и Колоб., 312 помимо отсутствия в них перечня мощей имеют и другие общие чтения, которые отличают их от других списков. Например, во всех списках Повести в рассказе Василия Микулина об обретении креста говорится, что, подобрав крест в Виленском храме, он привез его к себе в дом в Арзамасский уезд. В Музейск., 517 и Колоб., 312 добавлено уточнение: «въ деревню свою» (Музейск., 517, л. 121) или «к себѣ в деревню» (Колоб., 312, л. 65). Примечательно, что единственный список помимо указанных двух, в котором также упоминается деревня Василия, — ГИМ, Музейское собр., № 645, — это самый ранний из известных списков Повести, датирующийся 2-й четвертью XVIII в., который представляет, по наблюдениям Т. А. Брун, наиболее близкий к архетипу тип текста (см.: Брун Т. А. О датировке «Повести о чудесах Виленского креста». С. 207).

²⁵ Список Колоб., 312 был известен Т. А. Брун, она привлекла его к изданию в ТОДРЛ, однако не отметила, что перечень мощей помещен в нем вне текста; разночтения в этом фрагменте подведены таким образом, как если бы перечисление реликвий Виленского креста находилось на своем обычном месте, внутри текста.

мошей, ни рядом с перечнем по окончании текста нет писцовых значков, которые могли бы обозначать вставку. Следовательно, переписчик, помещая перечень мошей в конце, по-видимому, воспринимал это не как исправление своей ошибки — допущенного в тексте пропуска, а, напротив, как дополнение. Этот факт тем более интересен и важен для нас, что владелицей и, по-видимому, переписчицей списка Повести в сборнике Колоб., 312 была монахиня Муромского Троицкого монастыря — того самого, куда был вложен Виленский крест. На нижнем поле л. 67 об. после перечня реликвий читается владельческая запись того же почерка: «Сия тетрадь града Муром Троицкого дѣвичья монастыря дѣвицы Ирине Ивановой дочери».

Вообще список Колоб., 312 в некотором смысле особенный. Во-первых, как мы уже отметили, он происходит из монастыря, в котором долгое время хранился чудотворный Виленский крест и который, следовательно, располагал наиболее точными данными об этой святыне на всем протяжении ее истории.

Во-вторых, это единственный отдельный список «Повести о чудесах Виленского креста»: все остальные, как указала Т. А. Брун, читаются в составе Муромских сборников полного или неполного состава.²⁶ Тот факт, что в сборник Колоб., 312 входят еще два памятника Муромского цикла — «Житие Константина Муромского» и «Повесть о Петре и Февронии», не может быть принят во внимание: оба эти жития муромских святых находятся в другой части конволюта, переписаны другим почерком и на другой бумаге, а следовательно, имеют иное, нежели Повесть, происхождение. Такая обособленность Колоб., 312 может свидетельствовать о том, что он восходит к одному из ранних списков памятника, переписанных на первом этапе его рукописной традиции, до включения Повести в Муромский цикл.

В-третьих, помимо нетрадиционного расположения перечня мошей Повесть в Колобовском списке имеет особое заглавие, не встречающееся в других рукописях. В отличие от обычного заглавия («Повѣсть о чудесѣхъ Честнаго и Животворящаго Креста Господня, иже възять в литовскомъ граде Вильне сыномъ боярскимъ арзамасцемъ Василиемъ Сергиевымъ сыномъ Микулиным и принесен в градъ Муромъ, иже изволилъ быти в Троицкомъ дѣвичьѣ монастырѣ»²⁷), заглавие в Колоб., 312 не содержит упоминания имени Василия Микулина, а сам памятник именуется не повестью, а сказанием: «Сказание о Честнѣмъ и Животворящемъ Крестѣ Господни, како изволилъ быти в Муромѣ в дѣвичьѣ монастырѣ в церкви Живоначальныя Троицы».

Наконец, в перечне мошей, помещенном после текста Повести в Колоб., 312, имеется индивидуальное чтение, которое очень важно для построения литературной истории памятника. Мы имеем в виду наименование первой из названных в Повести реликвий — легендарной реликвии «древо жезла Моисея». Среди известных списков памятника имеется три основных варианта ее наименования: «Часть древа жезла пророка Моисея» (5 списков), «Часть жезла пророка Моисея» (5 списков) и «Часть древа жезла Моисеова» (4 списка).²⁸ Список Колоб., 312 имеет особое чтение, не встречающееся более ни в одном из списков: «Древо жезла Моисеова». Ставшее теперь возможным обращение к самому Ви-

²⁶ См.: Брун Т. А. Муромская «Повесть о чудесах Виленского креста». С. 326.

²⁷ Заглавие приводим по списку ИРЛИ, собр. Каликина, № 39.

²⁸ Эти наблюдения мы основываем на издании Повести по основному списку с различиями, осуществленном Т. А. Брун: Брун Т. А. Муромская «Повесть о чудесах Виленского креста». С. 330.

ленскому кресту показало, что надпись на его оборотной стороне совпадает с чтением Колобовского списка, — в ней также отсутствует слово «часть»: «Древа жезла Моисеова». Разница в написании слова «древо» (именительный падеж в Повести и родительный падеж в надписи на кресте) объясняется, по-видимому, необходимостью согласования грамматических форм всего ряда однородных членов: в Повести все наименования мощей даны в именительном падеже, тогда как на кресте перечень реликвий предвзятается формулой «Мощи святых...», требующей после себя формы родительного падежа.

Итак, как можно видеть, в списке Колоб., 312 в перечне мощей оказалось зафиксировано архетипное чтение, восходящее к надписи на самом Виленском кресте («Древо жезла Моисеова»), в то время как во всех остальных известных списках Повести читаются его вторичные варианты. Это наблюдение с учетом того факта, что рукопись Колоб., 312 происходит непосредственно из Муромского Троицкого монастыря, является, на наш взгляд, серьезным подтверждением высказанного нами ранее соображения: мы считаем возможным в качестве твердой научной гипотезы предположить, что архетипный текст «Повести о чудесах Виленского креста» не содержал перечня частиц от мощей, так как первоначально крест не был реликвиарием (ср. его описание в начальном фрагменте Повести); позднее, когда в крест были помещены первые 7 частиц мощей,²⁹ их перечень был включен в текст Повести. Эта вставка была произведена, по всей вероятности, в Муромском Троицком монастыре, где хранился Виленский крест, причем определенный этап изменения текста Повести отразился в списке Колоб., 312.

Таким образом, если перечень мощей не присутствовал в архетипном тексте «Повести о чудесах Виленского креста», а является позднейшей вставкой, то вывод Т. А. Брун о необходимости переноса датировки памятника в XVIII в., сделанный на основе анализа этого перечня, должен быть вновь пересмотрен. Мы считаем, что необходимо вернуться к первоначальной датировке памятника, вполне обоснованно предложенной Т. А. Брун в комментарии к научному изданию памятника в ТОДРЛ: «Конкретность произведения, его историческая достоверность, а также следы использования автором рассказов участников событий говорят о том, что Повесть была написана вскоре (но не сразу) после совершения событий, еще при жизни современников Богдана и Василия, видимо, в последней трети XVII в.»³⁰

Датировка «Повести о Виленском кресте» XVII в. тем более обоснованна, что сохранилось прямое свидетельство того факта, что некогда существовал ее список, датирующийся концом XVII в. (о чем, по-видимому, не было известно Т. А. Брун). В «Библиологическом словаре» П. М. Строева в статье о Каллистрате Осорьине, авторе входящего в Муромский цикл «Жития Юлиании Лазаревской»,³¹ описан рукописный сборник конца XVII в., в который помимо Жития Юлиании входили еще

²⁹ Позднейшие изменения облика Виленского креста (увеличение числа заключенных в нем реликвий, а возможно, и значительные изменения креста в целом) не нашли отражения в Повести, в ее рукописной традиции остался зафиксирован лишь определенный этап формирования муромской святыни.

³⁰ Брун Т. А. Муромская «Повесть о чудесах Виленского креста». С. 326.

³¹ П. М. Стровев считал, что перу Каллистрата Осорьина принадлежит не только «Житие Юлиании Лазаревской», но и оба муромских сказания о крестах — «Сказание об Унженском кресте» («Повесть о Марфе и Марии») и «Повесть о чудесах Виленского креста», а также, возможно, служба Юлиании Лазаревской. Такая атрибуция была распространена в XIX в., однако не получила научного обоснования. Вопрос об авторстве обоих сказаний остается открытым.

два муромских сказания о местных святынях — «Сказание об Унженском кресте» и «Повесть о чудесах Виленского креста» (!).³² П. М. Строев указал, что этот сборник (в 4-ю долю листа, объемом в 80 л.) ко времени составления словарной статьи находился в библиотеке Муромского Благовещенского монастыря, из которого, по-видимому, и происходил. К сожалению, все наши попытки отыскать следы этой рукописи результатов не дали: из описания Благовещенского монастыря, изданного в 1906 г. архимандритом Мисаилом, известно, что ко времени этой публикации «книг редких древней печати, а также и рукописных богослужебных книг не сохранилось в монастыре».³³

Итак, мы считаем, что «Повесть о чудесах Виленского креста» была написана в конце XVII столетия. Уточнив датировку памятника, рассмотрим теперь вопрос о месте его создания. Не вызывает сомнения, что Повесть была написана в Муроме, — ведь она рассказывает об одной из самых почитаемых муромских святынь. Попытаемся уточнить это положение. Чрезвычайно важным для решения этого вопроса нам представляется другой зафиксированный П. М. Строевым факт: самый ранний известный список Повести происходил из Муромского Благовещенского монастыря. Дело в том, что существуют и другие обстоятельства, обнаруживающие некоторую связь «Повести о чудесах Виленского креста» с Благовещенским монастырем.

Во-первых, первое издание Повести Н. П. Травчетова (1899 г.) было осуществлено также по рукописи Благовещенского монастыря, которая была предоставлена ему настоятелем архимандритом Александром.³⁴ Интересно, не та ли это рукопись, которую видел П. М. Строев? Примечательно, что в изданном Н. П. Травчетовым тексте Повести отсутствует перечень мощей, а это, как мы уже отмечали, может свидетельствовать о близости списка-протографа к архетипному тексту памятника.

Во-вторых, Благовещенский монастырь соседствует с Троицким монастырем — местом хранения Виленского креста. «Супротив Благовещенского монастыря церковь ружная Живоначальныя Троицы древяна, верх шатром», — читаем в Писцовой книге г. Мурома 1636 г. писца Бориса Дмитриевича Бартенева и подьячего Михайлы Максимова.³⁵ Интересным представляется тот факт, что собор Благовещенского монастыря, построенный в середине XVI в. по указу Ивана Грозного, в 1664 г. был значительно перестроен, причем формы и декор его нового облика были во многом ориентированы на Троицкий собор, поставленный, как известно, Богданом Цветновым. В книге о Муроме С. И. Масленицына мы обнаружили любопытные и важные для нас сведения: «Муромское предание свидетельствует, что перестройка Благовещенского храма велась на средства того же Богдана Цветного и теми же мастерами, которые строили в 1642—1648 годах здания Троицкого монастыря».³⁶ Кроме того, известен богатый вклад Богдана Цветнова в Благовещенский монастырь: в 1648 г. им было пожертво-

³² Строев П. М. Библиологический словарь и черновые к нему материалы / Приведены в порядок и изданы под ред. А. Ф. Бычкова. СПб., 1882. С. 220.

³³ Мисаил, архим. Св. благоверный князь Константин Муромский и Благовещенский монастырь, где почивают мощи князя и чад его Михаила и Феодора // Труды Владимирской ученой архивной комиссии. Владимир, 1906. Кн. 8. С. 129.

³⁴ См.: Владимирские губернские ведомости. 1899. 20 авг. № 34. Часть неофиц. С. 5, сноска 1.

³⁵ Владимирский сборник: Материалы для статистики, этнографии, истории и археологии Владимирской губернии / Сост. и изд. К. Тихонравов. М., 1857. С. 157.

³⁶ Масленицын С. И. Муром. М., 1971. С. 22.

вано Евангелие московской печати в серебряном чеканном окладе, украшенном цветными камнями и стеклами, а также малиновым бархатом с золотошвейным узором на нижней крышке. Примечательно, что Евангелие в подобном окладе было вложено Богданом Цветновым и в Троицкий монастырь тремя годами ранее, в 1645 г.³⁷

Итак, герой «Повести о чудесах Виленского креста» Богдан Цветнов, строитель и ктитор Муромского Троицкого монастыря, в который им был вложен Виленский крест, оказывается некоторым образом связан и с Благовещенским монастырем, в котором хранился самый ранний список Повести. Очень интересными в этом отношении представляются нам наблюдения О. А. Суховой, занимавшейся изучением рода Цветновых: по предположению исследовательницы, Богдан Цветнов в конце жизни принял постриг в Благовещенском монастыре. Дело в том, что ни в одном из известных муромских Синодиков в роду Цветновых нет имени Тарасий (крестное имя Богдана), но упоминается схимник Тихон, имя которого встречается в Синодике Благовещенского монастыря 1713 г. Кроме того, известен вклад старца Тихона в Благовещенский монастырь 1667 г. — серебряное паникадило, хранящееся сейчас в Русском музее, во вкладной надписи которого над словом «приложил» есть помета «Цветнов».³⁸

В пользу гипотезы О. А. Суховой, которая представляется нам вполне убедительной, на наш взгляд, могут свидетельствовать еще два аргумента: во-первых, уже упоминавшееся нами муромское предание о том, что грандиозная перестройка Благовещенского собора осуществлялась по инициативе и на средства Богдана Цветнова (сопоставим даты: 1664 г. — перестройка собора, 1667 г. — вклад старца Тихона); во-вторых, сопоставление имен Тарасий и Тихон: даваемое при постриге монашеское имя, как известно, обычно начиналось на ту же букву, что и прежнее мирское.

Итак, на основе сделанных наблюдений мы пришли к следующему заключению: с большой долей вероятности можно предположить, что «Повесть о чудесах Виленского креста» была создана в Муромском Благовещенском монастыре, вероятно, по инициативе (а возможно, и при участии) одного из ее героев, муромца, купца московской гостиной сотни Богдана Цветнова. С учетом гипотезы О. А. Суховой личность Богдана нам представляется неким связующим звеном между двумя муромскими монастырями, имеющими отношение к Повести: будучи постриженником Благовещенского монастыря, он в то же время был заинтересован в прославлении святыни Троицкого монастыря, строителем и ктитором которого был.

В заключение отметим два небезынтересных с точки зрения высказанных нами предположений факта: 1) Благовещенский монастырь уже назывался исследователями как один из центров местной муромской литературной традиции: Н. И. Серебрянский считал, что именно в нем была создана одна из редакций «Жития Константина Муромского»;³⁹ 2) Торговый человек Богдан Цветнов был в некотором смысле и книжным че-

³⁷ Сведения о вкладах Богдана Цветнова см. в кн.: Монастыри, соборы и приходские церкви Владимирской епархии, построенные до начала XIX столетия / Под ред. В. В. Косаткина. Владимир, 1906. Ч. 1. С. 272—274; Масленицын С. И. Муром. С. 32; Сухова О. А. Древности Муромского Троицкого монастыря. С. 141, и др.

³⁸ Сухова О. А. Древности Муромского Троицкого монастыря. С. 138—139, 142 (сноска 6).

³⁹ Серебрянский Н. И. Древнерусские княжеские жития: Обзор редакций и тексты. М., 1915. С. 243—244.

ловеком: среди «всяких свалных болших товаров», которыми он торговал, были, по-видимому, и книги; из Приходной книги Московского Печатного двора нам известно, что только в 1652—1653 гг. «гостинные сотни Богдану Цветного» было продано 6 экземпляров «Книги о вере», а также одна «Грамматика» Мелетия Смотрицкого,⁴⁰ — факт довольно редкий⁴¹ и сам по себе примечательный: по наблюдениям историка русской книги С. П. Луппова, «Грамматика» приобреталась, как правило, в одном экземпляре, следовательно, в перепродажу не шла, а покупалась для себя.⁴²

⁴⁰ См.: Читатели изданий Московской типографии в середине XVII века / Публикация документов и исследование С. П. Луппова. Л., 1983. С. 19, 41, 51, 92, 93, 104. Приношу благодарность О. А. Белобровой за указание этого издания, а также за консультации, которые она любезно давала мне в процессе подготовки настоящей статьи.

⁴¹ В книжной лавке Московского Печатного двора в 1650—1653 гг. было продано, несмотря на дешевизну, только 49 экземпляров «Грамматики» Мелетия Смотрицкого (издана в 1648 г. тиражом 1200 экз.). См.: Читатели изданий Московской типографии в середине XVII века. С. 12—13, 17—20.

⁴² Там же. С. 19.